

Глава VI. Эмиграция

1. Мытарства

Оказавшись в Румынии, махновцы были разоружены властями. Нестор с женой был поселен в Будапеште. В апреле 1922 г. Махно переехал в Польшу. Советская дипломатия и здесь добивалась его выдачи как уголовного преступника. При этом Махно не скрывал своих взглядов, агитировал за советскую власть, и польская администрация на всякий случай отправила группу анархистов из России в лагерь для перемещенных лиц. В июле 1922 г. Махно обратился к властям с просьбой разрешить ему эмиграцию в Чехословакию — более демократическую страну. Но в этом батшке было отказано — поляки подозревали его ни мало ни много в стремлении поднять восстание в Восточной Галиции в пользу Украинской советской республики. Прокурор окружного суда Варшавы видимо не вдавался в подробности разногласий между российскими революционерами, и по-своему истолковал высказывания Махно в поддержку Советов, революции, коммунизма и свободного самоопределения украинцев Восточной Галиции. 23 мая 1922 г. против Махно было возбуждено уголовное дело. 25 сентября 1922 г. Махно, Кузьменко и двое их соратников — И. Хмара и Я. Дорошенко, были арестованы и отправлены в Варшавскую тюрьму.

В мире поднялась кампания в защиту Махно, которую вели массовые анархо-синдикалистские организации. В их заявлении говорилось. «Махновщина и большевизм — это два антипода.

Первая стремится к полному самоуправлению трудящихся, второй — к диктатуре над ним. Гнусной, подлой клеветой является заявление советвласти о бандитском и погромном характере махновщины Махновская армия является единственной в мире, непричастной ни к каким антиеврейским актам. Наоборот, — с революционной честью и решительностью она всегда их сурово преследовала. Братья трудящиеся! Помешайте осуществиться презренному замыслу русского и польского правительств. Подымите голос протеста против готовящегося убийства тов. Махно и против убийств других революционеров» 1.

27 ноября Махно второй раз в жизни предстал перед судом. Его обвиняли в контактах с миссией УССР в Варшаве и подготовке восстания. После того, как абсурдность этого обвинения стала очевидна, прокурор стал доказывать, что Махно не политэмигрант, а бандит. Возникла угроза, что Польша использует узников как разменную монету в дипломатической игре и выдаст их большевикам.

Газета «Дни» писала: «Махно на суде держится свободно, охотно говорит, категорически отказывается от возводимых на него обвинений в бандитизме, насилиях, в злых умыслах против Польши, в сношениях с большевиками. Говорит о себе и «махновском движении», как

о своеобразном народном освободительном движении, о борьбе против всякой навязываемой народу власти. Говорит «интеллигентским» языком, порою с вычурными книжными оборотами» 2.

Выступления батько имели успех — особенно напоминания о том, что своими действиями в тылу красных он фактически спас Варшаву в 1920 г. 3. Уголовные обвинения доказаны не были, и 30 ноября Махно был оправдан. Он поселился в Торуни, где начал публиковать воспоминания и готовиться к новым боям. Одновременно в Берлине Аршинов выпустил первую «Историю махновского движения». Работы Н. Махно и П. Аршинова о махновском движении вызвали в целом положительные отклики в анархистской среде, однако, внезапно подверглись атаке со стороны анархо-синдикалистов. Критикуя махновское движение, М. Мрачный считает, что увлечение им реакционно, так как это ведет к недооценке характера будущей революции и великой роли рабочей организации в ней» 4 По мнению М. Мрачного, сам метод повстанческой борьбы делает вождизм и военный авторитаризм неизбежными «Но мы твердо помним простые и глубокие слова нашего гимна «никто не даст нам избавления, ни бог, ни царь и ни герой. «». И не батько, добавим мы, будь он хоть семи анархических пядей во лбу. И не вооруженная армия революционно настроенных повстанцев, хоть бы она вся состояла из Кропоткиных и Бакуниных» 5.

Более того, М. Мрачного возмущает «батьковщина», вождизм, присущий крестьянскому движению. «Мы боремся против глубоко вкоренившегося рабского стремления трудящихся передать свою волю, свою самостоятельность благодетелям, пастырям, вождям, партиям, которые уже устроят все к лучшему для нас с наименьшей тратой наших собственных усилий, с наименьшим напряжением собственной воли к действию» 6.

Анархо-синдикалисты, участвовавшие в революции в городах, предпочитали стачки лихим конным атакам. Они доверяли и слухам о «бандитском» характере махновщины, критически относились к «диктаторству» Махно. Критика со стороны анархистов болезненно воспринималась Нестором Ивановичем. Но это были лишь первые выстрелы в будущей идеологической войне.

После откровенных заявлений Махно о стремлении продолжать вооруженную борьбу с большевиками польское правительство выслало его из страны в январе 1924 г. К этому времени было уже ясно, что в ближайшее время поднять восстание на территории СССР не удастся. Махно перебрался через Германию в Париж где и прожил остаток дней.

Последние годы Махно не были такими же бурными, как предыдущие, но все же это не было тихое угасание, подобное жизни многих эмигрантов. В Париже Махно оказался в самом центре политических дискуссий. И здесь он снова был «на коне». Французская анархистка И. Метт вспоминала, что Махно «был великим артистом, неузнаваемо перевоплощавшемся в присутствии толпы. В небольшой компании он с трудом мог объясняться, его привычка к громким речам в интимной обстановке казалась смешной и неуместной. Но стоило ему предстать перед большой аудиторией, как вы видели блестящего, красноречивого, уверенного в себе оратора. Однажды я присутствовала на публичном заседании в Париже, где обсуждался вопрос об антисемитизме и махновщине. Меня глубоко поразила тогда удивительная сила перевоплощения, на которую оказался способен этот украинский

крестьянин» 7.

Споры 20-х — 30-х гг. не были просто эмигрантской пародией на прошедшую революцию. Ставкой дискуссий, разворачивавшихся между мировыми, был опыт Российской революций, уроки — для анархистов не менее ценные, чем для представителей других течений выброшенных большевизмом в мир.

Практический опыт революционной борьбы, которым обладали анархисты из России, определял то внимание, с которым мировая анархистская общественность следила за их спорами. Это определило и активное вмешательство в них таких авторитетных в международных анархистских кругах теоретиков, как А. Беркман, Ж. Грав, Э. Малатеста, М. Неттлау, Л. Фабри, С. Фор, Р. Рокер и других. Но их авторитет, приобретенный десятилетиями участия в анархистском движении и множеством произведений, на которых воспитывались целые поколения анархистов, оказывался решающим не сам по себе, а только в соответствии с тем или иным мнением, поддержанным деятелями российского анархизма. Анархисты ждали новых революций, и не напрасно. В 1936 г. миллионы испанских рабочих и крестьян подняли черное знамя анархии. Их идеологические и политические принципы зависели от оценки махновского опыта.

В 1924 г. Н. Махно, П. Аршинов, В. Волин и несколько их товарищей создали Группу русских анархистов в Германии (после переезда в Париж называлась Группа русских анархистов за границей). Группа выпускала журнал «Анархический вестник», а затем «Дело труда». Соратники Махно, так же, как и другие видные анархисты (Максимов, Ярчук и др.) были высланы из России вместе с теми представителями «чуждых» идейных течений, которых большевики опасались и расстреливать, и оставлять в стране.

Махно и Аршинов настаивали на том, что для координации работы различных проанархических массовых организаций анархисты должны создать собственную единую организацию. По поводу формы этой организации в 1923 г. возникли все более заметные разногласия. Волин считал, что организация может быть создана из представителей всех основных направлений анархистского движения. Для этого созданию организации должна предшествовать широкая теоретическая дискуссия, которая могла бы выявить общие черты воззрений всех течений и на их основе формировать «синтетическую» идеологию анархизма.

Идея «синтеза» встретила противодействие Аршинова, который считал невозможным объединить в одну организацию представителей большинства направлений анархизма, поскольку он слишком разношерстен. Аршинов считал, что в анархизме фактически господствует одна идеология — анархо-коммунизм, признающий синдикализм в качестве метода борьбы. Все остальные направления являются второстепенными и могут быть вынесены за рамки единой организации 8.

Такой организации по мнению Махно и Аршинова нужна была программа, которую можно было бы начать осуществлять в первый же день революции. В этом направлении развивалась мысль и других теоретиков анархизма. Авторитетный анархо-синдикалистский автор Г. Максимов предложил идею «переходного периода», приковавшую к себе внимание

мирового анархистского сообщества. Напомнив, что анархисты во время революции поддерживали самоорганизацию трудящихся в Советы, Г. Максимов писал. «». Советы — еще не анархия. Но когда они наносят удар централизованному государству, разбивая вдребезги его аппарат — это является моментом переходной стадии к безвластному коммунизму» 9

Другой анархо-синдикалист, секретарь восстановленного в 1922 г. Международного товарищества рабочих (анархисты вели его историю со времен Интернационала К. Маркса и М. Бакунина) А. Шапиро писал: «Когда большинство анархистов признает, что ближайшая революционная волна не будет стопроцентно анархической, то они этим самым признают, что социальная революция...делится на этапы...Однако, когда говорят о переходном периоде, то анархисты-догматики становятся на дыбы. «Переходный период» легкомысленно смешивается с «диктатурой»» 10.

Возражения идее переходного периода, как это ни странно, исходили из лагеря участников махновского движения, практика которого вполне соответствовала идеям распыленной власти («вольные советы») и переходного периода. Ведь общество, установленное махновцами, очевидно не соответствовало критериям анархии, но уже рассматривалось как безгосударственное. Однако Аршинов, Махно и Волин рассматривали махновское движение как элемент социальной революции, а не общественную структуру. Общество махновской «освобожденной территории» не считалось ими анархическим потому, что там еще шла социальная революция. Аршинов называл махновское движение «началом строения нового общества». 11

Махно и Аршинов верили, что не за горами новая революция. И к ее началу анархисты должны быть вооружены четким планом действий и иметь всемирную организацию, способную действовать в соответствии с ним. Для того, чтобы отобрать в ряды Всеобщего анархического союза (так предполагалось назвать новую организацию) действительных единомышленников, Аршиков, Махно и их сторонники составили текст проекта платформы Союза, который вошел в историю как «Платформа», а его сторонники — как «платформисты». «Платформа» составлялась без участия сторонников Волина, считавшего этот документ преждевременным. Но Махно решился присоединиться к одному из своих теоретиков, надолго разойдясь с другим. Жребий был брошен — Аршинов и Махно предложили анархистам создать всемирную организацию с жесткой дисциплиной и «реалистической программой».

2. Платформист

«Платформа», текст которой был опубликован в «Деле труда» в октябре 1926 г., предлагала жесткие формы организации, подчинение общим решениям (решение большинства считалось рекомендательным, но подлежащим исполнению, поскольку меньшинство должно следовать воле большинства), коллективную ответственность, исполнительный комитет с функциями идейного руководства. У многих анархистов эти требования вызвали возмущение. В августе 1927 г. группа эмигрантов из России, поддерживавшая В. Волина, опубликовала резко критический ответ на «Платформу» (его автором, видимо, был сам

Несколько позднее критический разбор «Платформы» предложил Г. Максимов¹³. Реакция «платформистов» на критику была резко отрицательной. Ответ сторонников Волина они оценили как «беспрограммную программу анархо-хаотиков». ¹⁴

Так началась дискуссия, занимавшая анархистов всего мира в 1927–1931 гг. Принципы «Платформы» первоначально (до выступления против нее ведущих теоретиков анархизма) пользовались популярностью в анархическом движении Франции, Италии и других стран. Параллельно и в связи с дискуссией по поводу «Платформы» развивался идейно-организационный конфликт в анархистском движении в Испании, часть участников которого выступила с идеями, близкими к «платформизму». В то время эти круги охватывали сотни тысяч человек, так что новое поле битвы батько было по количеству вовлеченных людей вполне сопоставимо с прежним.

Авторы «Платформы» провозгласили задачей революции Анархический Коммунизм. ¹⁵ Под коммунизмом авторы понимают «свободное общество равных тружеников». ¹⁶ В отличие от анархо-синдикалистов, Махно и Аршинов отрицали идею переходного периода к коммунистической общественной модели: «Под переходным периодом у социально-политических партий, разумеется, определенная фаза жизни народа, характеризующаяся разрывом со старым строем и установлением новой экономической и политической системы, которая, однако, еще не содержит в себе полного освобождения трудящихся... Анархисты всегда были принципиальными противниками подобных программ, находя, что само построение переходных систем, принцип эксплуатации и принуждения масс, удерживаемые этими системами, неизбежно поведут к новому росту рабства. Вместо политических программ-минимум анархисты всегда отстаивали лишь социальную революцию, лишаящую капиталистический класс политических и экономических привилегий и передающую средства и орудия производства и все функции общественно-хозяйственной жизни в руки трудящихся». ¹⁷

«Идей переходного периода, по которой в результате социальной революции должно образоваться не анархическое общество, а некий «икс», несущий в себе элементы и пережитки старой капиталистической системы, противонархична по своему существу. Она таит в себе угрозу укрепления и развития этих элементов до их первоначальных размеров и повернет развитие вспять. «В качестве примера такого развития снова приводится большевистский режим, «который, по убеждению большевиков, должен был явиться всего-навсего переходной ступенью к полному коммунизму, но который в действительности привел к восстановлению классового общества, на дне которого оказались по-прежнему рабочие и беднейшие крестьяне». ¹⁸

Таким образом, «платформисты» считают необходимым создать анархическое общество и разрушить старый мир уже в ходе социальной революции. Они — радикалы, они надеются прорваться к высокой цели сразу. Правда, новое общество будет еще не совершенным, но уже анархическим: «Центр тяжести в деле построения анархического общества заключается не в том, чтобы каждому индивиду на первый же день революции предоставить неограниченную свободу удовлетворения своих потребностей, а в том, чтобы

завоевать социальную базу для этого общества и установить принципы отношений между людьми. Вопрос большего или меньшего материального достатка есть вопрос не принципа, а технический.

Основной принцип, на котором будет построено новое общество, который составит содержание этого общества и который ни в какой мере нельзя урезать, состоит в равенстве отношений, в свободе и независимости трудящихся». 19 Здесь также заметно противоречие: свободу масс трудящихся нельзя «урезать» ни в коем случае, но свободу индивидуумов, из которых эти массы состоят, урезать можно. Модель общества, предлагаемая в «Платформе» — это и есть анархия. Социальная революция — это водораздел между двумя эпохами: «Овладение трудящимися производственными и общественными функциями проложит, таким образом, резкую грань между эпохой государственности и эпохой безгосударственности». 20

Здесь необходимо отвлечься. Подавляющее большинство читателей этой книги анархистами не являются, зачем им все эти рассуждения теоретиков давно прошедшего времени, даже с точки зрения сегодняшней анархистской теории, замешанной не только на «классике», но и на экологических и постиндустриальных идеях, споры Махно и его противников — вчерашний день. И все-таки эти теоретические столкновения важны и по сей день. Подставьте на место слов «анархическая революция» сочетание «либеральная реформа» — и перед вами дискуссия сторонников радикальных и умеренных преобразований России в наше время. Можно ли добиться желаемого одним скачком? Радикализм и эволюционизм присутствуют в любом течении, не только в анархизме. Радикальный большевик, анархист, либерал и консерватор очень похожи друг на друга, хотя идеалы их расходятся. И в этом отношении Махно вел вечную дискуссию, постигая вечные теоретические истины. Эта дискуссия многому научит не только его самого, но и добрую половину анархического движения. Она покажет на практике — радикализм ради радикализма ведет к большевизму, к идеям диктатуры. У Махно хватит мужества остановиться на пороге этого перерождения. А его друг и учитель Аршинов будет унесен логикой этого соблазна.

А пока критика идеи переходного периода не спасла авторов «Платформы» от обвинений в приверженности именно этой концепции. «Ответ» В. Волина и его сторонников провозглашал: «На словах, платонически отрицая эту идею, авторы Платформы на деле более, чем кто бы то ни было в наших рядах, стоят на точке зрения ее полного признания. В сущности, если в Платформе имеется нечто новое, то это именно и есть подробная разработка идеи переходного периода». 21

Такое неожиданное обвинение вызвало со стороны «платформистов» взрыв возмущения. Они считали, что достаточно отмежевались от «переходных» моделей и могли отнести обвинения сторонников В. Волина только на счет неэтичности критиков: «Нет, они каждый раз доискиваются до скрытого, иезуитского смысла пункта, а уже потом на этот скрытый пункт отвечают». 22 «Ведь авторы «ответа» читали платформу и должны поэтому знать, что идея платформы сводится к организации анархических сил на период борьбы с классовым капиталистическим обществом». 23

Но в этом как раз и заключено самое уязвимое место концепции «платформистов» относительно переходного периода. Нарисованная ими картина будущего относится к достаточно продолжительному периоду конфронтации с внешним окружением. Длительность революционного периода признается и «платформистами»: «Осуществление его представит собою более или менее длительный социально-революционный процесс». 24 Комментируя эти слова, Г. Максимов писал: «Процесс — это функция времени, и время, в течение которого этот процесс продолжается — это «переходное время»». 25 Таким образом, по мнению Г. Максимова, отрицание переходного периода «платформистами» — это догма, прикрывающая непродуманность конструктивной программы. 26

Однако между формулировкой «Платформы» («социально революционный процесс») и Г. Максимова («переходный период») существует различие. Идея переходного периода предполагает, что конструктивная программа относится еще не к анархии, а к предшествующей ей стадии. Эта структура не увековечивается, ее принципиальные недостатки признаются. Предполагается, что по пути к анархии общество будет кардинально меняться. А модель «Платформы» относится не только к процессу социальной революции, но и к анархическому обществу в целом, и, по мысли авторов, соответствует его принципам.

В то же время авторам «Платформы» хочется составить программу, которая могла бы быть реально применена в случае начала революционных событий в существующем обществе. Опыт участия в Российской революции заставляет «платформистов» искать конкретные ответы на вопросы, которые неминуемо встанут перед революционерами с первого же дня. Анархический идеал сталкивается здесь с реалистичными задачами организации общества.

Это противоречие, подмеченное авторами «Ответа», стало одним из центральных пунктов их нападения. Иллюстрируя принцип построения «Платформы», авторы «Ответа» писали: «Мы признаем тоже, что и вы (следует формулировка анархического принципа по формуле: с одной стороны, конечно, нельзя не признаться...). «Однако» (следует временный отказ от принципа по формуле: с другой стороны, нельзя не сознаться)». 27

Что же предлагали Махно и Аршинов? «Государство должно отмереть не когда-то, в обществе будущего. Оно должно быть разрушено трудящимися в первый же день их победы и ни в какой иной форме не должно быть восстановлено. Место его займет система федеративно объединенных самоуправляющихся производственно-потребительских организаций...Органы эти, связанные между собою в пределах города, области и затем всей страны, образуют городские, областные и наконец всеобщие (федеральные) органы руководства и управления производством». 28 Таким образом, предполагается иерархия управления экономикой, что уже само по себе означает власть и ставит под сомнение анархию. Махно и Аршинов считают необходимым ввести «производство, построенное по единому плану, построенному производственными организациями рабочих и крестьян на учете потребностей всего общества, и продукты этой мастерской принадлежат всему обществу». 29 Но планирование должны осуществлять не партийно-государственные бюрократы, как в СССР, а органы самоуправления. 30

Идея планирования, высказанная Аршиновым и Махно, получила достойный «отпор» со стороны В. Волина: «Основным вопросом организации нового производства является вопрос

о том, будет ли оно централизовано и планировано, как это представляют себе, например, большевики, или же, наоборот, децентрализовано и построено на строго федеративных началах». 31

Жизнь оказалась мудрее спорщиков. Во время Испанской революции анархисты будут налаживать производство, используя и центральное демократическое планирование, и бартерный товарообмен, и ненавистные анархо-коммунистам рыночные отношения. Сегодняшний мир, во многом подтвердивший прогнозы анархистов об ослаблении роли государства в мире, о необходимости общественного, но не бюрократического регулирования социальных процессов, о самоуправлении как альтернативе произволу чиновничества и капиталистических монополий — этот мир тоже ищет дорогу в будущее разными путями. Впрочем, в первой половине века анархисты не верили, что негосударственное общество будет «прорасти» естественным путем. Его нужно было «строить». Таковы были стереотипы времени.

Но для того, чтобы начать строительство нового общества (так ли важно — в рамках «первой стадии анархии» или переходного общества» к ней), необходимо уметь защищаться. Махно это было известно лучше, чем кому-либо из участников дискуссии. Труженики, «чтобы удержать завоевания революции, должны будут создать органы защиты революции, чтобы всему этому противопоставить соответствующую боевую силу. В первые дни революции такой боевой силой явятся все вооруженные рабочие и крестьяне. Однако лишь в первые дни, когда гражданская война еще не достигнет своего кульминационного пункта и когда борющиеся стороны не выдвинут еще правильно построенных военных организаций». 32

В 1936 г. в Испании события развивались по подобному сценарию. Характерна определенная растерянность в республиканском лагере в тот момент, когда со стороны фашистов «правильно построенная военная организация», несмотря на первоначальные поражения, была создана. Республиканцы и анархисты с этим опаздывали, что стало одной из причин потери ими инициативы.

Об этом предупреждали «платформисты»: «В социальной революции наиболее критическим моментом является не момент низвержения власти, а момент, который наступит после этого низвержения, момент всеобщего наступления низвергнутого строя на трудящихся, когда надо будет удерживать достигнутые завоевания». 33

В этот момент, по мнению «платформистов», революционные силы должны создать свою армию. Но как совместить идею армии с анархизмом? «Отрицая государственнические властнические принципы управления массами, мы тем самым отрицаем государственнический способ организации военной силы трудящихся, т. е. отрицаем принцип принудительной государственной армии. Согласно основным положениям анархизма в основу военных формирований трудящихся должен лечь принцип добровольного комплектования. Как на пример таких формирований, можно указать на партизанские военно-революционные формирования рабочих и крестьян, действовавшие в русской революции». 34

Однако добровольческая (наемная, поскольку солдат кто-то должен кормить) армия никак не гарантирует от диктатуры. Она вполне может превратиться в самостоятельную касту, противопоставившую себя обществу. Возможной гарантией от возникновения такой касты может быть децентрализация армии при партизанской войне. Но десятки исторических примеров показывают, что по мере успехов партизанского движения самостоятельные отряды под воздействием военной необходимости сливаются в единую армию, руководимую политически авторитарным вождем. И до, и после 1926 г. партизанские войны часто приводили, таким образом, к формированию диктаторских режимов.

«Платформисты» — не сторонники «партизанщины»: «революционное добровольчество и партизанство не следует понимать в узком смысле этих слов, т. е. как борьбу с врагом местных рабоче-крестьянских отрядов, не связанных между собою оперативным планом и действующих каждый на свою ответственность...Гражданская война, подобно всякой войне, может быть успешно проведена трудящимися лишь при соблюдении двух основных принципов военного дела — единства оперативного плана и единства общего командования...Таким образом, вооруженные силы революции в силу требований военной стратегии и стратегии контрреволюции неминуемо должны будут слиться в общую революционную армию, имеющую общее командование и общий оперативный план». 35

План ведения войны, подобный этому, был затем с успехом применен коммунистами в Китае и на Кубе. Итогом победы революционных сил (правда, не анархистских) стало установление диктатур.

По мнению «платформистов», «хотя революционная армия должна быть построена на определенных анархических принципах, тем не менее на самую армию не должно смотреть как на предмет принципа. Она — лишь следствие военной стратегии в революции, лишь стратегическое мероприятие, к которому неминуемо приведет трудящихся процесс гражданской войны». 36 Авторы документа не учитывают опасность того, что отступление от принципов в столь важном «стратегическом мероприятии» может привести всю революцию к перерождению и краху.

В качестве гарантий от перерождения армии «Платформа» предлагает «классовый характер армии» (комплектование ее из рабочих и крестьян; этот принцип, впрочем, провозглашался и большевиками) и «полное подчинение революционной армии рабоче-крестьянским массам в лице тех, общих для всей страны, организаций рабочих и крестьян, которые в момент революции будут поставлены массами на руководящие посты хозяйственно-социальной жизни страны». 37

Иными словами, революционная армия будет находиться в подчинении гражданских органов власти (именно власти, о чем говорят слова «руководящие посты»). И руководство это будет централизованным. «Платформа» предусматривает «орган защиты революции, несущий на себе обязанности борьбы с контрреволюцией, как на открытых военных фронтах, так и на фронтах скрытой гражданской войны (заговоры буржуазии, подготовка выступлений и т. д.)». 38 То есть главное командование и «ВЧК» в одном лице, которое формально подчинено организациям трудящихся. К необходимости создания такого органа «платформистов» подталкивал их опыт гражданской войны в России.

Очевидно, что такое существенное отступление от принципов анархистской доктрины (хотя и продиктованные практическим опытом) как стремление к созданию руководящих и карательных органов, в руках которых в условиях военной обстановки будет сосредоточена огромная власть, не могло не вызвать резкой критики в анархистской среде.

М. Корн прокомментировала идею создания гражданских органов, руководящих армией, следующим образом: «На обыкновенном языке это называется выборной «гражданской властью». Что же это у вас? Очевидно, что организация, заведующая фактически всею жизнью и имеющая в своих руках армию, есть не что иное, как государственная власть...Если это — «переходная форма», то почему отрицается идея «переходного периода»? А если это — форма окончательная, то почему «платформа» анархическая?» 39 Так перед «платформистами» ставится альтернатива следования конкретному опыту революционной практики, сегодняшним «интересам дела», или немедленного соблюдения принципов анархизма во всей их полноте. Сочетание того и другого в ходе социальной революции становится проблематичным.

Впрочем, «конструктив» Волина в этом вопросе был гораздо слабее. Пытаясь подкрепить свою позицию опытом гражданской войны, «Ответ» утверждает: «Напомним, что в ходе русской революции в борьбе с вооруженными силами реакции — Деникиным, Колчаком, Врангелем и др. — всегда побеждали прежде всего местные партизанские силы, а не централизованная армия с общим командованием и общим оперативным планом...Централизованная красная армия всегда приходила лишь «на готовое» и затем ложно приписывала себе победу, добытую не ее руками». 40

Это — несомненное преувеличение. Но даже если предположить, что все успехи борьбы с Деникиным и Врангелем следует приписать махновской армии, то правыми остаются все-таки Н. Махно и П. Аршинов — махновская армия имела единое командование. Военный раздел «Платформы» составлен на основе опыта махновской армии. Одно из двух — или гражданская война, или соблюдение принципов анархии. Это противоречие еще только начинало осознаваться анархистами, которые с прошлого века привыкли — старый мир уходит, оказывая вооруженное сопротивление. Только опыт XX века позволит поставить под сомнение эту аксиому.

На первом этапе борьбы участники махновского движения предлагают ограничения свободы слова, принятые в воюющих государствах, даже очень демократических. Но все же это очевидно государственная практика, хотя и вполне обоснованная военной обстановкой.

По мнению «платформистов», такая практика может сохраняться только во время гражданской войны. В послевоенном обществе должна господствовать полная свобода слова: «Вообще же, опуская исключительные случаи гражданской войны, победивший труд должен предоставить свободу слова и прессы как левым, так и правым мнениям. И эта свобода станет гордостью и украшением свободного общества свободных тружеников». 41

Пример с прессой показывает, что «платформисты» стояли на позициях «переходности». Одновременно этот пример помогает понять отношение авторов «Платформы» к насилию вообще: «Революционное насилие в борьбе с классовыми врагами анархисты признают и

призывают к нему, но анархисты ни на минуту не согласятся пользоваться властью и силою навязывать свои решения массам. Их средства в этом — пропаганда, сила мнения, аргументация словом». 42

Естественна озабоченность М. Корн соблюдением гражданских прав в «освобожденных районах»: «Предположим территорию, находящуюся фактически под влиянием анархистов. Каково будет их отношение к другим партиям? Признают ли авторы «Платформы» возможность насилия по отношению к врагу, не поднимающему оружия? Или они, согласно анархической идее, провозглашают полную свободу слова, печати, организаций для всех? (Это вопрос, который несколько лет тому назад звучал бы дико, но некоторые известные мне мнения мешают теперь быть вполне уверенной в ответе).

И вообще, допустимо ли проведение в жизнь своих решений силой? Допускают ли авторы «Платформы» пользование властью хотя бы на минуту?» 43 Махно и Аршинов пользовались властью «хотя бы на минуту» во время гражданской войны. Но они не считали это властью. Шла драка, они действовали, чтобы разбить врага. Потом, после победы можно было разобраться. По такому же пути шли и большевики. Не удивительно, что противники «Платформы» видели в ней призрак большевизма. И все же махновский путь в революции на порядок более вольнолюбив, чем большевистский. Махновцы стремились к максимально возможной в условиях гражданской войны свободе. Их противники отказывались учитывать это «смягчающее обстоятельство».

В конце концов под давлением критики «платформисты» признали, что их план — только самое начало анархии, которое не гарантирует соблюдения всех принципов анархизма. 44 Это вызвало резкую критику со стороны как противников теории «переходного периода» (за «скрытое» следование этой теории), так и со стороны ее сторонников (за непоследовательность и отказ признать правоту тех, кто доказывает необходимость «переходности»).

Острый и принципиальный спор вокруг «Платформы» был свидетельством тяжелейшего кризиса идеологии анархизма. Революционная эпоха первой половины XX века, замешанная на невиданном ранее насилии, на возникающем из недр революций тоталитаризме смешала оптимистические умственные конструкции анархо-коммунизма. Таким теоретикам анархизма, как Г. Максимов, А. Горелик, М. Корн, М. Неттлау становилось все более очевидно, что к высоким идеалам свободы и солидарности, синтезом которых и является анархия, нельзя прийти путем насильственной революции. В крайнем случае она может стать первым шагом к эволюции в этом направлении, но не более. Анархизм стал постепенно освобождаться от радикализма, от веры в «большой скачок», в одномоментность исторических сдвигов, быстрого достижения высоких социальных целей.

Несогласные с этими новыми подходами участники гражданской войны, радикальные анархо-коммунисты Махно, Аршинов и Волин по существу «аннигилировали» идеи друг друга. С точки зрения Волина концепция «Платформистов» — не анархизм, а авторитарно-государственная теория. С точки зрения «платформистов», Волин предлагает не анархию, а хаос. В хаосе господствует власть сильного, а раз есть власть, то нет анархии.

Увидев, что спор ведет не к сплочению, а расколу движения, Махно предлагал отложить дискуссию по тактическим вопросам и сойтись на принципиальных пунктах «Платформы», которые не вызвали в движении серьезных разногласий. 45 Ему казалось, что разногласия в деталях не так уж и важны. Но спорщики не унимались — они продолжали считать, что от результатов спора зависит судьба будущих революций, а значит и мира.

Даже рассуждая на тему, в которой он считал себя специалистом, Махно теперь постоянно оговаривается: «быть может, придется», «по силе надобности придется». Но в одном Н. Махно непреклонен — если анархисты ради «утопии мечтателей» откажутся от военных мер, необходимых для победы, то «эти анархисты будут только на словах стоять в рядах всего движения, а на деле же они будут находиться вне его, или же будут вредить ему». 46 Эти оговорки не были замечены.

К удивлению «платформистов», позиция авторитетных теоретиков международного анархизма оказалась ближе взглядам сторонников В. Волина, чем к «Платформе». Э. Малатеста писал: «Я не сомневаюсь в анархической искренности этих русских товарищей. Они хотят осуществить анархический коммунизм, и ищут способы прийти к нему как можно скорее. Но недостаточно еще хотеть чего-нибудь, необходимо также применять надлежащие средства достижения. «По мнению Э. Малатесты, ошибка в средствах приведет «платформистов» «к результатам, противоположным тем, каких ожидали сами организаторы». 47 По мнению Э. Малатесты, победа большевистскими методами неизбежно ведет к потере движением анархического характера. 48

Л. Фабри, сравнивая опасности со стороны контрреволюции и внутреннего перерождения движения в случае принятия положений «Платформы», писал, «антианархическая опасность, исходящая от...экспроприированных меньшинств, была бы всегда бесконечно меньше, чем громаднейшая опасность, которую создала бы такая вооруженная армия полиции и жандармов, хотя бы они и имели наглость называть себя анархистами...

Уничтожение свободы для одних приведет неизбежно к уничтожению или ограничению свободы для всех». 49

Против идей «Платформы» выступили также С. Фор, М. Неттлау и другие авторитетные анархисты. 50

Массированная критика методов совершения социальной революции, предложенных в «Платформе», не убедила Аршинова в реализме концепции его оппонентов, но показала, что большинство анархистов не могут принять принципов «платформизма». Это способствовало эволюции Аршинова от идеи безгосударственной организации трудящихся к идее диктатуры пролетариата, которая увенчалась в октябре 1931 г. докладом Аршинова «Анархизм и диктатура пролетариата», в котором он обосновывал необходимость установления диктатуры пролетариата в том виде, как это предлагал Ленин в работе «Государство и революция». 51

Несмотря на то, что Аршинов в своем докладе еще считает себя «революционным анархистом», 52 призыв к борьбе за диктатуру пролетариата и к «тесному контакту» с СССР

53 означал публичный разрыв этого теоретика с анархизмом. В ответ на этот доклад редакция «Дела труда», в которую входил и Махно, заявила: «Мы никоим образом не можем согласиться со скороспелыми и шаткими выводами т. Аршинова. Идею «диктатуры пролетариата» мы отвергали и сейчас целиком отвергаем». 54

Разочарование в анархизме и стремление возвратиться на родину привело Аршинова к сотрудничеству с большевизмом. Утверждение А. Л. Никитина о том, что Аршинов работал на ОГПУ с 1926 г. 55, пока не находит подтверждения. Во всяком случае ссылки на полемические статьи в «Рассвете» и «Пробуждении» доказательством этого служить не могут. Идеи Аршинова нашли отклик в анархистской среде и соответствовали взглядам многих анархистов, в том числе и Махно. Таково уж было состояние анархистской мысли того времени. Играло ОГПУ какую-либо роль в этом идейном споре или нет — вопрос третьестепенный. Но все же сомнительно, чтобы большевистские спецслужбы способствовали изданию журнала, резко критиковавшего СССР с позиций, близких к троцкизму.

Переход Аршинова на позиции диктатуры означал окончательное поражение «платформизма» как формы радикального анархо-коммунизма. В 1933 г. Аршинов вернулся в СССР. Его знакомый Н. Чербаджиев утверждал: Аршинов перед отъездом дал понять, что уезжает для подпольной работы. 56 НКВД косвенно подтвердил эту версию, расстреляв Аршинова в 1937 г. Впрочем, это могли сделать и «на всякий случай».

Посещала ли Махно мысль о возвращении на Родину? Рассказывая об отношении батько к красным генералам, французская анархистка И. Метт писала: «Махно относился к ним с профессиональным уважением, мне даже показалось, что в его сознании непроизвольно возникли мысли о том, что и он мог бы быть генералом Красной Армии. Тем не менее, сам он никогда об этом не говорил. Наоборот, сказал мне, что если бы и смог вернуться в Россию, то ему бы пришлось серьезно изучать военное искусство. Это признание можно расценивать и как высказанную вслух мечту. Я уверена, если бы он вернулся в Россию, не прошло бы и двух дней, как он бы поругался с вышестоящим начальством, так как всегда был честным человеком и не мог бы смириться с социальной несправедливостью». 57 Если бы жизнь батько сложилась иначе, и в 1919 г. он отказался бы от анархистских взглядов и связал бы свою судьбу с большевизмом, он прожил бы на три года больше, до 1937 г. Но это была бы менее достойная жизнь.

«Предательство» Аршинова стала тяжелым ударом для Махно. Личные отношения с учителем были разорваны, «платформизм», защите которого Махно посвятил несколько лет, дискредитирован. Эту битву батько проиграл. Но и эти годы были прожиты не зря. Кризис радикального анархо-коммунизма позволил сделать анархистской теории еще один шаг вперед.

3. Тридцатые годы

После поражения «платформизма» в центр внимания анархистов постепенно переходили события в Испании. Именно здесь анархизм имел наилучшие шансы на успех, а значит — на

участие в практической политике, предполагающей приспособление абстрактных принципов к обстоятельствам реальной жизни. Каковы могут быть границы такого «оппортунизма»?

В письме к испанским анархистам Х. Карбо и А. Пестанья Махно пишет, что завоевание земли, хлеба и воли должно быть «наименее болезненным». 58 Махно даже признает, что Испанская революция началась «с избирательного бюллетеня», демонстрируя, таким образом, готовность российского анархизма частично пересмотреть отрицательное отношение к выборам. 59

Оценивая первые итоги Испанской революции (которые он считал неутешительными), Махно останавливался и на других тактических проблемах. Он считает агитацию, которая была основным методом борьбы анархистов Испании в 1931 г., явно недостаточной: «Ощувив относительную свободу, анархисты, как и обыватели, увлеклись свободноречием». 60

Другая проблема, которую с особой остротой поставила Испанская революция, касалась политики союзов. Возможен ли союз с коммунистами против реакции. Махно дает коммунистам однозначно негативную оценку: «Они встретили революцию как средство, с помощью которого...можно более развязно дурачить всевозможными неосуществимыми, ложными обещаниями пролетарские головы и прибирать их к рукам, чтобы с их физической помощью утвердить свою черную партийную диктатуру». 61 Понятно, что с такой силой союз нецелесообразен. В письме к испанским анархистам Махно утверждает: «испанские коммунисты-большевики, я думаю, такие же, как и их друзья — русские. Они пойдут по стопам иезуита Ленина и даже Сталина, они, чтобы утвердить свою партийную власть в стране...не замедлят объявить свою монополию на все достижения революции, и они предадут и союзников, и самое дело революции». 62 Несмотря на то, что это предупреждение не оказало решающего влияния на позицию испанских анархистов, оно способствовало настороженности анархистов в отношении коммунистов в Испании. Как показали события 1937 г., когда коммунисты нанесли удар в спину своим союзникам, показали правоту Махно и тех лидеров испанского анархизма, которые с недоверием относились к коммунистам 63.

В рамках критики большевизма Махно продолжал развивать критику ориентации анархизма на пролетариат как на основную движущую силу революции: «В пролетарском государстве и власти пролетариат — по наговорам своих руководителей — видел сам и старался навязать другим средство избавления себя от власти буржуазии. «Результатом этой иллюзии стало установление новой диктатуры, «пролетарность» которой, по выражению Н. Махно, является фикцией. 64 «Многие анархисты склонны утверждать, что пролетариат здесь не при чем, его, дескать, обманула социалистическая интеллигентская каста... По-моему, это утверждение не совсем точно и звучит несколько пристрастно». 65 Несмотря на то, что интеллигентской касте как целому действительно присуще стремление заменить собою буржуазию, значительная ее часть выступала и на стороне революции. Также неоднороден и пролетариат, который поддержал революцию не сразу и не целиком, а затем участвовал в создании новой диктатуры. 66 «В пролетариате, занявшемся построением своего классового государства, насилие это породило в конце концов нетерпимость, омерзительное отношение к свободе личности, к свободе слова и печати, к свободе каких бы

то ни было революционных организаций, расходящихся с наглостью пролетарской власти». 67

Идея о том, что человек может прийти в революцию из любого класса, что водораздел между революционными и контрреволюционными силами может проходить и через рабочий класс, и через интеллигенцию, и даже через эксплуататорские слои, активно развивалась затем на страницах журнала «Пробуждение», где теперь печатался Махно. При этом сам Махно в своих статьях в «Пробуждении» подчеркивал необходимость борьбы за интеллигенцию, необходимость перехода части интеллигентов на сторону революции. Обращаясь к революционеру-анархисту, Махно писал: «Девять из ученых могут не выйти к тебе, или, если выйдут, то с целью обмануть тебя...Но десятый выйдет, и он будет твой друг, и он поможет тебе преодолеть обман девяти». 68

Преодоление недоверия к интеллигенции заметно и в письме Н. Махно к испанским анархистам: «Трудящиеся Испании — рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция, должны объединиться и максимум проявить энергии на путях революции». 69 Эта старая идея Махно о широком революционном фронте очищена здесь от наслоений «классовой теории» «платформизма» 1926-1931 г.

Политические взгляды Махно и в этом вопросе были тесно связаны с его практическим опытом. Французская анархистка И. Метт вспоминала: «Я думаю, самым существенным в нем было то, что он всегда оставался украинским крестьянином. Его никак нельзя было бы назвать беспечным человеком, в глубине души он и был эдаким бережливым крестьянином, превосходно знавшим жизнь деревни и заботы ее обитателей...Я вспоминаю, как однажды Нестор Махно рассказывал мне о своей мечте. Было это осенью 1927 года. Мы гуляли в Венсенском лесу. Может быть, красота природы настроила его на поэтический лад, и он сочинил этот свой «рассказ-мечту». Молодой Михниенко (настоящая фамилия Махно) возвращается в родную деревню Гуляйполе, начинает работать, ведет спокойную, правильную жизнь, женится на молодой крестьянке. У него добрая лошадь и хорошая упряжь. Вечером вместе с женой он возвращается в деревню после удачного дня, проведенного на базаре, где они продавали плоды урожая. В городе они купили много подарков...Махно так увлекся рассказом, что совершенно забыл, что сейчас он в Париже, что у него нет ни земли, ни дома, ни молодой жены. В то время они с женой жили порознь, множество раз сходились и расходились снова, пытались начать совместную жизнь. 70

И. Метт вспоминала, что «Махно был человеком чистым, даже целомудренным...Махно страстно любил дочь. Я не знаю, какими стали их отношения в конце его жизни, но, когда девочка была маленькой, Махно бесконечно возился с ней, баловал ее, хотя в раздражении, бывало случалось, колотил ее, после чего чувствовал себя совершенно больным только от одной мысли, что смог поднять на нее руку» 71.

В тяжелых условиях эмиграции батяко держался достойно: «Я очень часто встречалась с ним на протяжении трех лет в Париже и никогда не видела его пьяным. Несколько раз в качестве переводчика я сопровождала Махно на обеды, организованные в его честь западными анархистами. Нестор пьянел от первого стакана вина, глаза его начинали блестеть, он становился более красноречивым, но, повторяю, по-настоящему пьяным я его

не видела никогда. Мне говорили, что в последние годы он голодал». 72

Последние годы Махно жил в однокомнатной квартирке в пригороде Парижа Венсене. Он тяжело болел туберкулезом, сильно беспокоила и рана в ноге. Семью кормила жена, работавшая в пансионате прачкой. На целую неделю он оставался один. Иногда бродил по улицам. Это были бурные дни в истории Франции. К власти рвались местные ультраправые. Левые организации собирали митинги против фашизма, временами доходило до столкновений. Зная характер Махно, нельзя исключать, что он участвовал в этих демонстрациях. Для тяжело больного туберкулезом человека это было смертельно опасно.

«Зимой ему стало хуже, — вспоминает Г. Кузьменко, — и приблизительно в марте месяце 1934 г. мы поместили его в один из французских госпиталей в Париже. По воскресеньям я его часто там навещала. Здесь я встречалась с его многочисленными товарищами, как русскими, так и французами» 73.

Состояние здоровья Нестора Ивановича продолжало ухудшаться, не помогла и проведенная в июне операция. Г. Кузьменко так описывает последний день жизни Махно: «Муж лежал в постели бледный, с полузакрытыми глазами, с распухшими руками, отгороженный от остальных большой ширмой. У него было несколько товарищей, которым, несмотря на поздний час, разрешили здесь присутствовать. Я поцеловала Нестора в щеку. Он открыл глаза и, обращаясь к дочери, слабым голосом произнес: «Оставайся, доченька, здоровой и счастливой. «Потом закрыл глаза и сказал: "Извините меня, друзья, я очень устал, хочу уснуть». «Пришла дежурная сестра, спросила его: «Как чувствуете себя?» На что он ответил: "Принесите кислородную подушку».

Сестра принесла ему кислородную подушку. С трудом, дрожащими руками он вставил себе в рот трубочку кислородной подушки, и сестра попросила нас всех удалиться и прийти завтра утром.

На следующий день, когда мы зашли в палату, то увидели, что кровать, на которой лежал муж, была пуста и ширмы не было. Один из соседей-больных сказал, что сегодня утром около 6 часов муж перестал дышать. Пришла сестра, закрыла лицо простыней и вскоре его вынесли в мертвецкую. Это было 6 июля 1934 г». 74

Прах Нестора Ивановича Махно был похоронен на кладбище Пер — Лашез, рядом с могилами парижских коммунаров. Это — не случайное решение. Коммунары были первыми, кто пытался воплотить на практике идеи Прудона и Бакунина. Они продержались только 72 дня и были разгромлены. Махно оказался более удачлив. Но и его попытка построить общество без угнетения и деспотизма оказалась неудачной. Для «эксперимента» Нестор Иванович получил от судьбы только три шанса по несколько месяцев каждый. Остальное время — кочевая жизнь, жестокая партизанская война. Через два года после смерти Махно его «рекорд анархического строительства» был превзойден — в Испании началось самое массовое в истории движение под черными знаменами. Чтобы удушить его, понадобились усилия сверхдержав того времени — СССР, Германии, Италии и Франции.

Вероятно, в те годы анархистские идеалы могли пробиваться на почву реальности только в экстремальных обстоятельствах. Трудно сказать, удалось бы анархистскому самоуправлению сохраниться в условиях спокойной повседневной жизни. Опыт многих стран Запада и «социалистической» Югославии показывает, что самоуправление и федерализм в условиях индустриального общества лишь незначительно улучшают условия жизни людей. Глобальные исторические сдвиги оказываются сильнее идей, родившихся раньше своего времени. Но только стремясь за горизонт можно преодолевать замкнутый круг повседневности.

Анархизм был массовым явлением тогда, когда индустриальное общество в двух своих ипостасях («социалистической» и «капиталистической») переживало муки рождения. Сотни тысяч людей считали себя анархистами и в «пропитанной духом капитализма» Америке, и в «законопослушной» Швеции, и в «деспотичной» России, и в «католической» Испании. Потом «системы» устоялись, поделили мир, и анархизм растворился в более умеренных течениях левой социал-демократии, неортодоксальном коммунизме, социальном либерализме, синдикализме, в толстовских общинах, правозащитном движении. Но стоило индустриальной системе снова начать давать сбои, стоило миру начать движение к постиндустриальному обществу, и черные знамена снова замелькали в многотысячных колоннах — уже невооруженных. Новая эпоха — новые пути к свободе. В мае 1968 г. Париж покрылся баррикадами, осененными флагами анархии. В 1988–1991 гг. анархисты вместе с другими «неформалами» «раскручивали» маховик гражданских движений, и черные знамена доказывали всем и каждому — в стране явочным порядком установилась свобода мнений, и никакой чиновник не сможет больше диктовать гражданам, что они обязаны думать. И пусть потом большинство анархистов стало «добропорядочными гражданами», приверженцами самых разных идей — анархистское движение приучило их к культу свободы, ограниченной лишь свободой других людей. Символ смены эпох: когда 1 мая 1990 г. на Красную площадь ступила многотысячная колонна под черными знаменами, руководители КПСС ушли с трибуны — они не могли более управлять такой страной. В этой колонне незримо шел и Нестор Иванович Махно — человек, который нашел в себе силы и смелость бросить вызов «железным законам истории» и не покориться им. И за это он был награжден бессмертием, вечным интересом потомков к загадочному «батько» под черным, как Вселенная, знаменем анархии.

Примечания

1 РГВАФ. 199, Оп. 2, Д. 182, Л. 18

2 «Дни». 5. 12. 1922.

3 Волковинский В. Н. Ук. соч. С. 220.

4 «Рабочий путь». N 5. С. 2.

5 Там же. N 4. С. 1.

6 Там же. N 1. С. 2.

7 Нестор Иванович Махно. С. 129.

8 См. «Дело труда». N 16, 19.

9 «Рабочий путь». N 2-3. С. 5.

10 Там же. № 4. С. 2.

11 «Анархический вестник». N 2. С. 37.

12 Skirda A. Autonomie individuelle et force collective. Paris, 1987. P. 174

13 Maximov G. Constructive anarchism. Chicago. 1952.

14 «Дело труда». N 28. С. 4.

15 Там же. N 13-14. С. 8.

16 Там же. N 15. С. 6.

17 Там же. С. 4.

18 Там же. С. 5.

19 Там же.

20 Там же.

21 Ответ...С. 16-17.

22 «Дело труда». N 28. С. 15.

23 Там же.

24 «Дело труда». 15. С. 8.

25 Maximov G. Op. cit. P. 85.

26 Ibid.

27 Ответ...С. 5.

28 «Дело труда». N 13-14. С. 16; N 15. С. 9.

29 Там же. N 28. С. 11.

- 30 Там же.
- 31 Ответ...С. 22.
- 32 «Дело труда» № 16. С. 4.
- 33 Там же. С. 5
- 34 Там же.
- 35 Там же. С. 6.
- 36 Там же. С. 5.
- 37 Там же.
- 38 Там же. № 18. С. 5-6.
- 39 Там же. С. 6.
- 40 Ответ...С. 28
- 41 «Дело труда». № 18. С. 12
- 42 Ответ...С. 7.
- 43 «Дело труда». № 18. С. 9
- 44 Там же. С. 10.
- 45 Там же. N 25. С. 14.
- 46 Там же. N 15. С. 4.
- 47 «Пробуждение». N 14. С. 45.
- 48 Там же. С. 41-42.
- 49 См. Неттлау М. ук. соч. С. 360.
- 50 «Дело труда». N 70-71. С. 21.
- 51 Аршинов П. Анархизм и диктатура пролетариата. С. 83.
- 52 Аршинов П. ук. соч. С. 8.
- 53 Там же. С. 15.

- 54 «Вопросы философии», 1991 N 8 С. 98.
- 55 «Дело труда». N 73. С. 13.
- 56 Skirda A. Op. cit P. 184.
- 57 Нестор Иванович Махно. С. 128.
- 58 «Пробуждение». № 28-29. С. 19.
- 59 Там же. N 30-31. С. 21.
- 60 Там же. С. 20.
- 61 Там же. № 23-27. С. 78.
- 62 Там же. N 32-34. С. 20.
- 63 Шубин А. В. баррикады Барселоны. //«Община» N 50.
- 64 «Пробуждение». N 18. С. 45-46.
- 65 Там же. С. 46.
- 66 Там же. С. 46-17.
- 67 Там же. С. 47.
- 68 Там же. N 19-20. С. 20, 118
- 69 Там же. № 23-27. С. 77
- 70 Нестор Иванович Махно. С. 124-125.
- 71 Там же. С. 126-127.
- 72 Там же. С. 130.
- 73 «Набат». N 5. 1990.
- 74 Там же.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 7 мая 2025 17:27:40

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 7 мая 2025 17:31:25